

ПИЩА БОГОВ

Вся Пашкина библиотека легко умещается на небольшой настенной полочке, изготовленной им собственноручно давным-давно, ещё школьником. Неровным строем, вовсе не по ранжиру, на фанерной дощечке угнездились, пылясь и ветшая, фолиант популярной энциклопедии «Природа Белоруссии», несколько потрёпанных томиков альманаха «Рыболов-спортсмен», сборник ранних рассказов Чехова...

Сюда же затесался справочник по ремонту автомобиля «Запорожец». Ну и ещё несколько книжек, абсолютно разрозненных как по содержанию, так и по степени сохранности. Чувствуется, что безалаберный хозяин коллекции — книголюб так себе: не слишком ценит своё собрание, не заботится о концепции его процветания.

Но имеется у Пашки одна небольшая книжица, пользующаяся его особым вниманием: стихи местного поэта, изданные в дешёвой мягкой обложке, на внутренней стороне которой красной пастой манерно-размашисто с витиеватыми росчерками написано: «Павлу Устиновичу — истинному мастеру приготовления ухи в знак признательности от автора».

И подпись. Тоже витиевато-неразборчивая — видимо, витиям так положено.

Вообще, Пашка стихов не любит, ещё со школы, когда чуть не каждый день задавали зубрить длинные басни, занудные отрывки из поэм, отдельные стихотворения из школьной программы. Скука! Но эту, так уважительно подписанную лично ему, Павлу Устиновичу, книжку, он прочитал. Прочитал внимательно, не спеша, с неподдельным интересом вникая в суть содержания. А одно стихотворение, наиболее понравившееся, даже постарался и,

сам от себя того не ожидая, заучил наизусть — добровольно, без какого-либо нажима и принуждения. Особенно за живое зацепили строки:

Дымок рыбацкого костра
Развеет сердца смуту —
Любовь к земному так остра
В подобную минуту..

Как тонко подмечено! И красиво сказано, душевно...

Частенько Пашка, несколько тушуясь, декламирует это полюбившееся ему стихотворение в случайных компаниях. Многие слушатели умиляются, некоторые удивляются, а кое-кто даже аплодирует.

Пашке нравится...

А между тем небезынтересна предыстория такого подарка, неожиданно, хоть и с запозданием, пробудившего у человека тягу к прекрасному.

* * *

Давно уже Пашку должно было бы звать-величать по имени-отчеству — мужику за сорок, голова плешивая, — да маленькая собачонка всю жизнь щенков. Вот и Пашка — невысокий, шуплый, по-пацански живой, подвижный, глаза озорные — ну никак не дотягивал до статуса Павла Устиновича. Да он и не сожалел — было бы о чём! Главное — как работника (а числился Пашка сторожем на городской базе отдыха) его ценят, доверяя подчас довольно деликатные и ответственные поручения, не входящие в круг его непосредственных обязанностей. И ни разу он руководство не подвёл, не опростоволосился.

Вот и на этот раз... Близился один из летних профессиональных праздников, намечалось отметить его торжественно, с размахом, по заранее утверждённому сценарию: чествование передовиков, концерт самодеятельности, конкурсы, спортивные соревнования — затей хватало. Ну и неформальное общение. Накануне мероприятия на базе царила суэта: подметали, чистили, красили... В общем, как обычно, — аврал. Пашке, кадру проверенному, от завбазой поступило персональное задание: начальство по случаю профессионального праздника возжелало откусать ухи из свежей рыбы — тройной, настоящей, и чтобы обязательно на костре, с дымком, с угольком. Не подкачай, Паша! А тот и рад стараться в очередной раз продемонстрировать талант. А то! Дело привычное, чего уж там.

В воскресенье он с раннего утра засучил рукава. А ждали его великие дела.

Перво-наперво жухлой осокой и мокрым речным песком — без всяких там «Ферри», «Сорти» и прочих «пемолюксов» — до блеска была отдраена

двухведёрная алюминиевая кастрюля — уже традиционное вместилище предвкушаемой «тройной».

Не менее беспощадно подверглись подобной экзекуции по дюжине деревянных мисок и ложек — чем и из чего вкушать обжигающую губы жижицу имело архиважное значение и не пускалось на самотёк.

Воды для ухи Павел набрал самой что ни на есть чистойшей, речной... Ну, относительно чистой... Короче: зачерпнул на чистине, стараясь чтоб без песка и ила, попрозрачней — где её, хрустальную, сейчас найдёшь?

Костёр разгорелся споро, сухие берёзовые и ольховые поленья сослужили добрую службу — сразу дали жар. Пока вода закипала, дошла очередь до основного ингредиента: рыба-разносортница — лещ, щука, окунь, плотва, даже несколько линей и карась — была хитрым и таинственным образом поймана заранее, накануне. В мокром мешке, переложённая крупнолистой жгучей крапивой, совершенно свежая (бронзовые линии и карась ещё дышали и изредка трепыхались), рыба безропотно дожидалась своей неминуемой участи.

Возвышенное романтическое перо, конечно, описало бы незамысловатую Пашкину стряпню особо красочно, как некое таинство, действие, ритуал, как необычную церемонию приготовления изысканного яства по хитроумным старинным рецептам. Или же как колдовство, доступное не каждому.

На деле всё выглядело гораздо прозаичней. Без всякого камлания «кудесник» сноровисто почистил и выпотрошил рыбу, отобрав на отдельное блюде полупрозрачные пузыри и щучьи печёнки; затем удалил жабры и тщательно прополоскал тушки. Весь запас разделил на три части: крупных щук и лещей порезал на порционные куски, отделив головы и хвосты, средних по размеру линей и карася оставил целиком, а оставшуюся мелочёвку — плотву, окуней, краснопёрок — вместе с щучьими головами и хвостами завернул в широкую, специально для этого приготовленную марлю. Вот этот марлевый узелок со всем содержимым и был незамедлительно отправлен в начинающую закипать кастрюлю минут на десять с последующим извлечением — первая порция. В воздухе вперемешку с едким дымком стал обоняем тонкий аромат будущей ухи, легко уловимый, но трудно передаваемый. А ведь ему предстояло как минимум утroitся!

Не забыл предусмотрительный Пашка ни про картофель (положил вовремя, со второй партией рыбы, чтобы не совсем разварился), ни про соль (три столовых ложки с горкой), ни про специи, ни про цибулю с зеленью — всё у него было заранее приготовлено, разложено по полочкам, отшлифовано до мелочей. И главное — душа: приготовленное с душой обречено на успех! Правда, водка... Водка, отмеренная в стограммовый гранёный стаканчик, в уху на этот раз так и не попала: её, родимую, Пашка «усугубил» единолично, оправдав свой поступок соображением, что такая «плипорция» в общем котле погоды не сделает, а ему — за труды — самое то.

Стол для начальства сервировали по высшему разряду в тенистой уютной беседке на крутом живописном берегу реки, где хорошо продувалось от назойливых комаров. Ровно в десять, без задержки (не на работу) первыми прибыли на легковых иномарках с водителями представители администрации завода, вся головка: директор, его зам, главбух, отдел кадров, профком, начальники служб — всего человек пятнадцать. Расселись, оказалось не тесно. На красивой скатерти среди обилия разносолов Пашкино произведение даже в закопченной кастрюле выступало гвоздём программы: юшка шла «на ура» — отдуваясь и вытирая пот, шумно просили добавки «на бис». Ко многим деликатесам — сыр с плесенью, оливки с анчоусами — даже не притронулись — приелось. Вскоре на дне кастрюли осталась одна гуща — это ли не успех!

К полудню, как и намечалось, на заводском автобусе в клубах пыли поднялись начальники цехов, участков, мастера. Некоторые пожаловали с жёнами.

Очень скоро к импровизированной кухне, где, хоть и без поварского колпака и передника, но всё же уверенно хозяйничал Пашка, вальяжной морской походкой подошёл начальник транспортного. В нарочито сдвинутой набекрень светлой капитанской фуражке и тельняшке, приветливо улыбаясь, он вкрадчиво, как дипломат, зашёл издалека:

— Здравствуй, Паша, как справляешься по камбузу?

— О! Николай Николаевич, привет! Спасибо, вашими молитвами, справляемся помаленьку, — отшутился Пашка. Но расслабляться было рано.

— Так, так... Послушай: Наталья Сергеевна из бухгалтерии расхвалила твою уху, отменная, говорит, штука. Не угостишь? — уже без обиняков, напрямую поинтересовался «дипломат».

— Так всю прикончили, Николай Николаевич. Вот собрался посуду мыть, воду в ведре грею, — конфузливо развёл руками старший по камбузу.

— Ну-у, Паша! Из резерва ставки пару-тройку мисочек на всех, по старой дружбе! Не откажи!

Вот те на! Отказывать было вовсе не в Пашкином характере, тем более такому человеку. Насчёт старой дружбы завгар, конечно, загнул на холодную, но вот совсем недавно, когда надо было перевезти тещу со всем скарбом из деревни, он действительно не отказал, уважил — выделил бортовую машину на целый день. Хороший человек, отказать никак нельзя! Пашка застыл в раздумье и растерянности.

Неожиданно его взор пал на облепленный мухами и осами тугой марлевый узелок с первой порцией рыбы. Эти отжимки были ниспосланы свыше.

— Подойдите через полчаса — что-нибудь придумаем, заговорщицки-доверительно прошептал воспрявший духом Пашка, не раскрывая секретов задуманного.

— Вот душа-человек! Не подведу — буду как штык!

И вот уже содержимое узелка повторно отправлено в кастрюлю с остатками прежней роскоши. Туда же ведро успевшей закипеть воды, соль, специи... Что бы ещё? На блюдечке томилась забытые рыбы пузыри и щучьи печёнки, изрядно заветрившиеся на солнцепёке. Эврика! На этот раз Пашка действительно колдовал: перетёртая с луком в однородную кашицу, эта заправка, несомненно, уступала легендарной налиమ్бей максе, но на безрыбье...

Через полчаса обильно сдобренная мелко пошинкованной зеленью, реанимированная уха второго замеса, как ни странно, источала приятный аромат и на вкус оказалась вполне съедобной.

— Вот, Паша, спасибо! Вот уважил, так уважил! Душа-человек! — довольно приговаривал раскрасневшийся от горячего и горячительного Николаев Николайевич, наливая Пашке полный стакан зубровки. — С праздником!

Пашка выпил, но только половину — всю не потянул.

* * *

В это время из открытых окон приближающегося к базе отдыха заводского автобуса донёсся нестройный хор потраченных крепким табаком и палёным алкоголем голосов под аккомпанемент разудалой гармошки, отчаянно фальшивившей запавшей на одной ноте кнопкой. К месту празднества доставили наконец-таки обычных работяг: слесарей, сварщиков, крановщиков...

Рабочая косточка по дороге не теряла времени даром, создавая атмосферу приподнятого настроения собственными силами: при каждом торможении по салону перекатывались уже опорожнённые бутылки, грохоча и позванивая.

Пашка понял: и на этот раз не отвертеться. Покорный судьбе, он вылил в висевшую над непотухающим костром кастрюлю очередное ведро воды, осознавая: придётся сотворить чудо, подобное библейскому.

И чудо свершилось. Для этого кошуинства пригодились остатки с барского стола: в ход пошли недоеденные куски красной рыбы, анчоусы и даже сыр пармезан, который с благородной плесенью.

Два пакетика перловки, четыре сочных помидора и много перца и зелени призваны были окончательно облагородить то варево, которое язык уже не поворачивался называть ухой. То и дело усталый повар задумчиво помещивал в кастрюле, не снимая накипи. Его фантазия иссякла, он чувствовал себя опустошённым.

— Эх! Прими, душа, и эту каплю! — решительно воскликнул Пашка, обращаясь к бурлящей кастрюле, и жертвенно вылил в её кипящее жерло недопитую им зубровку.

Это был последний штрих мастера, так сказать, вишенка на торт.

Всё, готово!

Непритязательная публика к кастрюле потянулась с охотой, и, на удивление, скоро та вновь опустела. Обиженно дули губы и косо смотрели те, кому не хватило.

Последняя миска, неполная, досталась тому самому поэту, местной знаменитости, принимавшему посильное участие в праздничном мероприятии в качестве гостя.

— Как называется это волшебное блюдо? — отведав, интеллигентно любопытствовал гость, изрядно потрёпанный не столько самой жизнью, сколько его к ней философским отношением: ничто не вечно, жизнь копейка, не хлебом единым.

— Уха тройная, фирменная, — скрепя сердце переступил через себя автор кулинарного изыска, тщательно подыскивая слова. — Подаётся не каждому, только избранным. Рецепт запатентован и засекречен. Короче — пища богов, кушайте на здоровье! — закончил Пашка тираду, сам удивляясь своему красноречию.

— Божественно! Божественно! — причмокивая, согласился поэт и вежливо попросил кусочек хлеба, малодушно нарушив один из жизненных постулатов.

Ему дали большой ломоть — не жалко.

Когда Пашка уже домывал посуду, со стороны эстрадных подмостков грянул туш и послышались аплодисменты — передовиков награждали грамотами и ценными подарками.

Ни того, ни другого сторожу не досталось — довольствовался Пашка тощим томиком стихов, который, после столь непродолжительного, но обоюдоприятного общения ему преподнёс сам автор, с дарственной надписью, такой уважительной и душевной.

* * *

Когда хулят что сердцу мило,
Когда за правду гонят в дверь
И где-то слева защемило ?
Всё с сердцем правильно, поверь.

Когда ж при виде листопада
Оно не ёкнуло в груди?
Тут с сердцем делать что-то надо,
Иначе пропасть впереди...

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

Внучке Анюте

Много сини у России,
Выбирай на вкус любой:
Васильковый тёмно-синий,
Родниково-голубой.

Сини дали горизонта,
Горы синие собой,
Говорят, что слой озона
Тоже сине-голубой.

Напрягу воображеньё —
С чем сравнить твой ясный взор?
Может, с неба отраженьем
В глубине лесных озёр?

Может, вспомнить первый вешний
Из подснежников букет?
Лишь поверхностной и внешней
Будет схожесть — только цвет.

Есть ещё на белом свете
Дивный камень бирюза —
Может, с ним сравнятся эти
Несравненные глаза?

Отвергаю эти мерки,
Убеждаясь лишний раз:
Всё тускнеет, блекнет, меркнет
При живом сиянье глаз.

Ну, а если бы спросили,
Я бы дал такой ответ:
У тебя — глаза России,
Для меня прекрасней нет.

НА УТИНОЙ ОХОТЕ

С нехитрым скарбом – медный чайник,
Ружьё, провизия, топор–
Туда, где сам себе начальник –
На опьяняющий простор.

Туда, где целых двое суток,
Все выходные напролёт,
Смогу охотиться на уток
Вдали от суетных забот.

Где ни дивана, ни экрана,
Зато и даль, и ширь, и высь,
Где, чтоб росой умыться рано –
Природе в пояс поклонись.

Где светлых чувств в себе не прячу,
Своих эмоций не таю,
От восхищенья чуть не плачу,
Как зачарованный стою,

Минутой пользуясь – пока-то
Походный чайник закипит,
Любуюсь красками заката
Сквозь ветви чахнувших ракиг...

Да! Жизнь даётся не напрасно,
И я воскликнуть был бы рад:
«Замри, мгновенье! Ты – прекрасно!» –
Но это явный плагиат...

РУССКИЙ ЛЕС

Когда не внемлет сердце разуму
И дело кажется «табак»,
То поступает всяк по-разному:
Спешит кто в церковь, кто в кабак.

Не подражай влечению модному.
Чтоб одолеть хандру и лень,
Изволь одеться по-походному —
И в русский лес на целый день!

Попробуй с ним душою слиться,
И станут истины просты:
И Богу можно здесь молиться,
И опьянеть от красоты.

* * *

Цветёт черёмуха, кружится голова...
И с трепетом, как будто в первый раз,
Подыскиваю нужные слова
Из вороха давно избитых фраз...

Но беден мой язык, и слаб, и груб —
Словами чувств сполна не передать,
Ну разве что слетит невольно с губ:
«Ах, Господи! Какая благодать!»